

1860–1904

«Он обладал искусством... оттенять пошлость, которое... создается горячим желанием видеть людей простыми, красивыми, гармоничными... Он был как-то целомудренно-скромен, он не позволял себе громко и открыто сказать людям:

— Да будьте же вы порядочнее!

...Ненавидя все пошрое и грязное, он описывал мерзости жизни благородным языком поэта, с мягкой усмешкой юмориста».

А. М. Горький

классика
В
кармане

классика в кармане

А. П. ЧЕХОВ

классика
в кармане

Дама с собачкой

Рассказы ♦ Повести

А. П. ЧЕХОВ

классика
в кармане

«Это был несравненный художник... Художник жизни... Он брал из жизни то, что видел... и передавал удивительно образно и понятно — до мелочей ясно... И благодаря искренности его, он создал... совершенно новые для всего мира формы письма... По технике он, Чехов, гораздо выше меня!»

Л. Н. Толстой

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

А. П. ЧЕХОВ

Дама с собачкой

Рассказы ♦ Повести

Дама с собачкой. Рассказы. Повести

*классика
в кармане*

А. П. ЧЕХОВ

Дама с собачкой

Рассказы ♦ Повести

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
Ч-56

Проект Д. Е. Веселова

Печатается по изданию:

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем:
В 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького;
Редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д. Д. Благой, Г. А. Бялый,
А. С. Мясников, Л. Д. Опульская (зам. гл. ред.), А. И. Ревякин,
М. Б. Храпченко. — М. : Наука, 1974–1983.

Вступительная статья и комментарии А. Д. Степанова

В оформлении обложки использованы фрагменты картин
Джона Лавери «Ветреный день»,
И. Э. Браза «Портрет А. П. Чехова»

Литературно-художественное издание

Серия «Классика в кармане»

ЧЕХОВ Антон Павлович

Дама с собачкой. Рассказы. Повести

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Я. В. Крутий*
Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залипаева*

Подписано в печать 25.10.2012. Формат 76x100/32.

Усл. печ. л. 14,77. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»

Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.

Украина, 61045, г. Харьков, ул. О. Яроша, 18

© А. Д. Степанов, составление,
вступительная статья, комментарии,
2012

© Hemiro Ltd, 2012

© ЗАО «Фирма Бертельсманн Медиа
Москва АО», 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2012

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)

ISBN 978-5-88353-500-9 (БММ)

ISBN 978-966-14-4685-3 (КСД)

Творческий путь Чехова

В этот сборник вошли наиболее известные, получившие всемирное признание рассказы, повести и пьесы Антона Павловича Чехова (1860–1904), представляющие разные грани его дарования.

Как писатель Чехов дебютировал в 1880 году в качестве сотрудника московских и петербургских юмористических журналов — так называемой «малой прессы». Эти издания, возникшие после реформ Александра II, отразили характерные тенденции эпохи: общую демократизацию русской литературы, расширение круга читателей, появление массовой «беллетристики». В отличие от «толстых» литературных журналов («Отечественных записок», «Русского вестника», «Вестника Европы» и других) малая пресса не стремилась ни к проповеди моральных истин, ни к решению «проклятых» социальных и философских вопросов. Ее задача была другой: развлекать почтеннейшую публику и заодно показывать Россию «вширь», изображая людей всех сословий и профессий в их повседневной жизни.

В течение семи лет Чехов, писавший под разными псевдонимами (самым известным из которых оказался Антоша Чехонте) опубликовал сотни крошечных рассказов в «Стрекозе», «Развлечении», «Зрителе», «Будильнике» и других массовых изданиях. Самым продолжительным и плодотворным оказалось его сотрудничество в петербургском журнале «Осколки». Этот еженедельник возглавлял популярный писатель-юморист Николай Александрович Лейкин, которого Чехов называл своим «крестным батюшкой» и признавался в письмах, что был его «усерднейшим читателем» еще в детстве и юности, в Таганроге. Лейкин пользовался необыкновенной популярностью именно у массового читателя, прежде всего купцов и мелких чиновников, которые были и адресатами, и героями его бесчисленных рассказов. Пик лейкинского творчества пришелся на 1870-е годы: в эту эпоху относительно мягкой цензуры массовая юмористика позволяла себе затрагивать острые социальные вопросы. Однако

в 1880-е годы, когда начинал Чехов, все изменилось. Юмористические журналы год от года становились все более беззубыми, буржуазными, лишенными всякой социальной остроты. Все общественное оказывалось «непроходным», приходилось писать о забавных случаях частной жизни. Журнал заполнили рассказы о дачных развлечениях, купеческих загулах, скандальных жеманьях, мужьях-подкаблучниках, актерах-пьяницах, охотниках-неудачниках и т. п.

Антоша Чехонте перепробовал множество жанров. Наиболее распространенными из них были так называемые «мелочишки» — подписи к рисункам, комические рекламы и объявления, библиографии, календари, загадки, экзаменационные вопросы, меню, афиши, словари и т. д. Из огромного числа подобных текстов в памяти читателей осталась, пожалуй, только «Жалобная книга» (1884) со знаменитой фразой «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа».

Другим популярным жанром массовой юмористики была «сценка» — небольшой рассказ, в основе которого лежит диалог двух или более действующих лиц. Сценки — это, в сущности, развернутые анекдоты. Они были очень лаконичны (рассказ не мог превышать 100–150 строк — отсюда знаменитая чеховская «краткость — сестра таланта»). Как правило, время и место действия в них предельно ограничены, причем где и когда происходят события, читателю становится ясно уже из первых фраз. В них практически исключаются описания — пейзажи, портреты, интерьеры; человек или вещь даются сразу, одной чертой, а основную часть рассказа занимает диалог. Сюжет свертывается до парадокса: финальное положение обычно прямо противоположно начальному. Финал, как и в анекдоте, должен быть неожиданным (вспомним знаменитую последнюю фразу «Смерти чиновника»: «Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер»), — это так называемый анекдотический «пуант». Герой редуцируется до карикатуры, шаржа, он «одномерен», обладает только одним гиперболизированным качеством и твердым «определением», показывающим его место в социуме, его социальную роль. Герой чеховской юмористики — прежде всего представитель определенной социальной группы, это чиновник, фельдшер, дьячок, домовладелец, полицейский надзиратель, отец семейства, отставной унтер-офицер, почтмейстер, брандмейстер, а уже потом

он — трус, зануда, весельчак, лгун или правдолюбец. Указание на социальный статус, профессию, семейное и имущественное положение — обязательная и часто единственная черта вводной характеристики персонажа. Социальный знак рассчитан на мгновенное узнавание: увидев, кто перед ним, читатель понимает, что можно ожидать от такого героя. Служебный или имущественный статус предстает как суть человека, автор с первых строк указывает: это мелкий чиновник, а это «генерал». Но так видят героев не только внешние наблюдатели (автор и читатели), так оценивают себя и другого сами персонажи. И потому для них оказываются так важны внешние социальные знаки — ордена, звания, вицмундиры, чины согласно Табели о рангах.

Чехов опубликовал немало развлекательных рассказов, вся соль которых состоит в забавном положении, неожиданной развязке, просто остроте. Но наряду с ними он особым образом трансформировал анекдот, используя этот безобидный жанр для постановки серьезных общественных вопросов. Этим отличается, например, ряд рассказов о чиновниках, написанный в 1882–1885 годах. К ним принадлежат несомненные шедевры чеховской юмористики, в том числе включенные в этот сборник «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий» и «Хамелеон».

Чехова, по большому счету, всегда интересовал только один вопрос: внутренняя свобода человека. И в рассказах о мелких чиновниках он демонстрировал ее противоположность — внутреннее рабство. Писатель понимал исчерпанность характерной для русской литературы «гуманной» темы: «Брось ты, сделай милость, своих угнетенных коллежских регистраторов! — писал он своему старшему брату Александру. — Неужели ты нюхом не чувствуешь, что эта тема уже отжила и нагоняет зевоту? ... Реальнее теперь изображать коллежских регистраторов, не дающих жить их превосходительствам...». И действительно — если присмотреться к хорошо известным чеховским рассказам, то мы увидим, что в них расчеловечиванию подвергается фигура не начальника, а подчиненного. Генерал в «Смерти чиновника» показан принимающим прошения от многочисленных просителей. Тайного советника в рассказе «Толстый и тонкий» тошнит от чиновничества старого школьного товарища. Сильный мира сего у Чехова часто выглядит человеком гуманным, просвещенным и простым в обращении. Напротив, «маленькие люди»

предстают лишенными этих качеств. А если они не дают жить «их превосходительством», как экзекутор Червяков в «Смерти чиновника», то только потому, что сверх меры усердствуют в своем раболепии. Темой его рассказов оказывается не несовершенство социальной системы (хотя писатель прекрасно о ней знает), а рабская психология тех, кто эту систему составляет.

Наряду с сатирическими сценками и юмористическими зарисовками в творчестве Чехова середины 1880-х годов появляются рассказы, в которых раскрывалось лирическое дарование автора. Если персонажи, подобные Червякову или Очумелову, настроенные на чиновничество, и вызвали в памяти гротескные фигуры из произведений Салтыкова-Щедрина, то герои таких рассказов, как «Ванька», «Тоска», «Полинька», «Тапер», «Горе», «Панихида», «Кошмар», «Счастье» — это уже живые люди со своими бедами и несчастьями, мечтами и разочарованиями. Характеры оказываются более разработанными, сюжет — более сложным, смех уступает место сочувствию. Во многих лирико-драматических рассказах Чехов стремится выразить в прозе ту «тонкую, едва уловимую красоту человеческого горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умеет передавать, кажется, одна только музыка». Это цитата из рассказа «Враги» (1887) — одного из наиболее характерных чеховских текстов того времени. В нем трагическая экзистенциальная ситуация совмещена с конфликтом совсем иного рода — выяснением личных и социальных отношений. У доктора Кирилова умирает единственный сын. Немедленно вслед за этой смертью он должен ехать по вызову богатого аристократа Абогина, с женой которого случился сердечный приступ. Однако по приезде на место выясняется, что жена Абогина разыграла болезнь, чтобы бежать от мужа. Рассказ заканчивается взаимными несправедливыми обвинениями Кирилова и Абогина, причем доктор — бедняк и труженик — произносит гневные инвективы против богачей, «каплунов, которых давит лишний жир». Хорошие люди становятся смертельными врагами. Тема некоммуникабельности, неспособности понять другого ни в радости, ни в горе становится постоянной у Чехова, причем если раньше (например, в рассказе «Злоумышленник») она трактовалась комически, то теперь составляет главное трагическое противоречие человеческого существования.

В середине 1880-х годов положение молодого автора в литературе упрочилось. В марте 1886 года к Чехову обратился с письмом известный писатель Д. В. Григорович. Он благословил молодого автора и признал за ним талант, выдвигающий его «далеко из круга литераторов нового поколения». Рассказы Чехова начинают регулярно печататься в популярнейшей газете «Новое время», а ее издатель Алексей Сергеевич Суворин становится постоянным корреспондентом и собеседником писателя. Выходят сборники чеховских рассказов — «Пестрые рассказы», «В сумерках», «Хмурые люди» — и каждый из них вызывает дискуссии в критике. Очень важным оказывается и то обстоятельство, что Чехов получает творческую свободу: возможность писать без всяких предварительных условий относительно сроков исполнения и объема работы. Благодаря этому он создает целый ряд шедевров: «Счастье», «Святою ночью», «Письмо», «Холодная кровь», «Каштанка».

Однако в русской литературной жизни того времени существовало негласное правило: серьезный писатель должен обязательно выступить с большой вещью (желательно, романом), причем опубликовав ее в почтенном «толстом» литературном журнале. Таким «вторым дебютом» Чехова стала повесть «Степь», напечатанная в марте 1888 года в журнале «Северный вестник». Сейчас она давно считается классикой, и потому мы не замечаем многих ее особенностей, которые удивляли современников. А их поражала прежде всего простота рассказанной истории — или, точнее, отсутствие в повести событий и связного сюжета. История поездки мальчика Егорушки по новороссийской степи казалась только мотивировкой для развертывания многочисленных поэтических пейзажей. Тот же Д. В. Григорович замечал, что в повести «рама» (то есть описания природы) «велика для картины» (то есть для истории путешествия). Однако для Чехова описания степи не были «дополнением» по отношению к фабуле. События в повести происходят в жизни природы: рассвет, закат, полуденная жара или гроза не менее важны, чем встречи Егорушки с людьми. А персонажи оцениваются не только по их словам и поступкам, но и по степени их приобщенности к жизни родной земли. «Степь» оказалась самым светлым произведением Чехова, в нем заданы критерии природной гармонии и красоты, с которыми должна соотноситься человеческая жизнь.

В произведениях конца 1880-х годов, написанных после «Степи» — «Огнях», «Именинах», «Припадке», «Скучной истории», — усиливаются мрачные, пессимистические настроения. От прежнего веселого Антоши Чехонте не остается и следа. Чехов все острее чувствует трагическое одиночество, «заброшенность» своих современников, отсутствие у них какой бы то ни было объединяющей, способной придать смысл существованию «общей идеи». Но в то же время он пишет о необходимости героизма: после смерти знаменитого путешественника Н. М. Пржевальского Чехов опубликовал некролог, в котором писал, что «в наше больное время, когда европейскими обществами обуяли лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце».

Таким подвигом в жизни самого Чехова стала совершенная в 1890 году поездка на остров Сахалин, недавно вошедший в состав Российской империи и превращенный к тому времени в место каторги и ссылки. Писатель проехал на лошадах по бездорожью через всю Сибирь, а прибыв к месту назначения, произвел перепись всего населения каторжного острова, побеседовал с каждым его жителем. Впечатления и материалы, полученные в ходе этого путешествия, послужили основой большой документальной книги «Остров Сахалин» (1895) и ряда рассказов. В одних действие происходит в Сибири («В ссылке») или на Сахалине («Убийство»), а в других лишь ощущается особая «каторжная» атмосфера. Сам же писатель говорил, что все его творчество «просахалинено». Многие герои позднего Чехова воспринимают свое существование как тюремное заключение, стремятся вырваться из него, но нигде не находят желанной свободы. Так происходит, например, в написанной вскоре после Сахалина повести «Дуэль», где главный герой бежит сначала из Петербурга на Кавказ за «идеалами» простой трудовой жизни, а потом, разочаровавшись, стремится уже обратно в Петербург, где есть «опера, театры, газеты и все виды умственного труда».

Самым «просахалиненным» произведением зрелого Чехова стала опубликованная в 1892 году повесть «Палата № 6», после которой окончательно закрепилась репутация Чехова

как талантливейшего и серьезнейшего из русских писателей. В изображении безвыходности и тотальной несвободы жизни обитателей палаты для душевнобольных многие читатели увидели аллгорию состояния общества на закате эпохи «стабильности» — царствования Александра III. Н. С. Лесков писал: «В “Палате № 6” в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Всюду — палата № 6. Это — Россия... Чехов сам не думал того, что написал (он мне говорил это), а между тем это так. Палата его — это Русь!»

Однако нельзя сказать, что все без исключения рассказы и повести Чехова 1890-х годов были столь же мрачны и пессимистичны, как «Палата № 6». Резким контрастом по отношению к знаменитой повести выступал, например, рассказ, который Чехов несколько раз называл своим любимым — «Студент» (1894). Типично «чеховская» тяжелая атмосфера кажущейся безысходности разрешается здесь за счет того, что незнакомые и совершенно разные люди хотя бы на минуту, во время случайной встречи у костра, приходят к взаимопониманию. Этого оказывается достаточно, чтобы герою рассказа, 22-летнему студенту Духовной академии, вся жизнь представилась «полною высокого смысла».

В середине 1890-х годов Чехов жил, в основном, в купленном им неподалеку от Москвы имении Мелихово. Он много работал как врач: во время эпидемии холеры обслуживал 26 деревень, принимал активное участие в борьбе с голодом, во всех земских делах. Жизнь среди народа дала материал для произведений о крестьянстве: повестей «Мужики» и «В овраге», рассказа «Новая дача». Среди чеховских героев появляются самоотверженные земские деятели, врачи и учителя, посвятившие жизнь народу. Однако Чехов, высоко ценивший деятельность земцев по созданию «аптек и библиотечек», сам строивший школы, мосты и дороги, тем не менее дистанцировался от тех, кто полагал, что эта работа — панацея от всех социальных болезней. Для писателя всегда был неприемлем идейный догматизм, сознание собственного превосходства над людьми и отсутствие сомнений в собственной правоте. Именно этим можно объяснить то, что в знаменитом рассказе «Дом с мезонином» (1896) земская деятельница Лида Волчанинова изображена как домашний депот, человек черствый и самоуверенный, а симпатии автора

РАССКАЗЫ

СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА

В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». Он глядел и чувствовал себя на верху блаженства. Но вдруг... В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей! Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и... апчхи!!! Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают. Червяков несколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем? Но тут уж пришлось сконфузиться. Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского генерала Брижжалова, служащего по ведомству путей сообщения.

«Я его обрызгал! — подумал Червяков. — Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо».

Червяков кашлянул, подался туловищем вперед и зашептал генералу на ухо:

- Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно...
- Ничего, ничего...
- Ради бога, извините. Я ведь... я не желал!
- Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и начал глядеть на сцену. Глядел он, но уж блаженства больше не

чувствовал. Его начало помучивать беспокойство. В антракте он подошел к Брижжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал:

— Я вас обрызгал, ваше-ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...

— Ах, полноте... Я уж забыл, а вы всё о том же! — сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой.

«Забыл, а у самого ехидство в глазах, — подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала. — И говорить не хочет. Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!..»

Придя домой, Червяков рассказал жене о своем невежестве. Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она только испугалась, а потом, когда узнала, что Брижжалов «чужой», успокоилась.

— А все-таки ты сходи, извинись, — сказала она. — Подумает, что ты себя в публике держать не умеешь!

— То-то вот и есть! Я извинялся, да он как-то странно... Ни одного слова путного не сказал. Да и некогда было разговаривать.

На другой день Червяков надел новый вицмундир, подстригся и пошел к Брижжалову объяснить... Войдя в приемную генерала, он увидел там много просителей, а между просителями и самого генерала, который уже начал прием прошений. Опросив несколько просителей, генерал поднял глаза и на Червякова.

— Вчера в «Аркадии», ежели припомните, ваше-ство, — начал докладывать экзекутор, — я чихнул-с и... нечаянно обрызгал... Изв...

— Какие пустяки... Бог знает что! Вам что угодно? — обратился генерал к следующему просителю.

«Говорить не хочет! — подумал Червяков, бледнея. — Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...»

Когда генерал кончил беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты, Червяков шагнул за ним и забормотал:

— Ваше-ство! Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше-ство, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!.. Не нарочно, сами изволите знать-с!

Генерал состроил плаксивое лицо и махнул рукой.

— Да вы просто смеетесь, милостисдарь! — сказал он, скрываясь за дверью.

«Какие же тут насмешки? — подумал Червяков. — Во-все тут нет никаких насмешек! Генерал, а не может понять! Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном! Чёрт с ним! Напишу ему письмо, а ходить не стану! Ей-богу, не стану!»

Так думал Червяков, идя домой. Письма генералу он не написал. Думал, думал, и никак не выдумал этого письма. Пришлось на другой день идти самому объяснять.

— Я вчера приходил беспокоить ваше-ство, — забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, — не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с..., а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...

— Пошел вон!! — гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал.

— Что-с? — спросил шёпотом Червяков, млея от ужаса.

— Пошел вон!! — повторил генерал, затопав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер.

Толстый и тонкий

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками.

Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятельи троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафания, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафания! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живешь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена уроки музыки дает, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берет десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведен столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сторбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фронт и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, еще более съеживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

ХАМЕЛЕОН

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пушай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!» да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашля в кулак. — Насчет дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пушай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевельну... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставляю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составь протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врёт, а кто по совести, как перед богом... А ежели я вру, так пуцай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городовой. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — чёт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?!.. Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон,

Содержание

<i>А. Д. Степанов. Творческий путь Чехова</i>	3
Рассказы	14
Смерть чиновника	14
Толстый и тонкий	16
Хамелеон	18
Злоумышленник	22
Враги	25
Студент	39
Дом с мезонином (Рассказ художника)	42
Человек в футляре	60
Крыжовник	73
О любви	83
Ионыч	93
Душечка	111
Дама с собачкой	123
Архиерей	140
Повести	156
Степь (История одной поездки)	156
Палата № 6	250
<i>Комментарии</i>	306